Троцкій

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
4 841

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ЕН171
Ч 841

Л. ТРОЦКІЙ.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(Итоги и перспективы).

Цѣна 30 коп.

ПЕТЕРБУРГЪ.
1917 г.

ЕН171
4841

Библиотека
Института Лен...
при ЦК ВКП (б)

1063254

Вмѣсто предисловія.

Со дня наступленія на внѣшнемъ фронтѣ, съ 18-го іюня, началось отступленіе революціи на фронтѣ внутреннемъ. Это отступленіе, руководимое офиціальной „демократіей“, приняло послѣ дней 3—5 іюля паническій характеръ. Сейчасъ оно представляетъ нѣсколько болѣе упорядоченный видъ не пріостанавливаясь однако ни на одинъ часъ. Война на нашихъ глазахъ пожираетъ революцію. А такъ какъ войной командуютъ генералы, то они же прибираютъ къ рукамъ дѣйствительную власть.

На чемъ это остановится? Для прогноза нужно себѣ прежде всего отдать отчетъ въ характерѣ тѣхъ силъ, которыя борются на политической сценѣ или... безъ борьбы капитулируютъ на ней. Такова задача настоящаго очерка.

Первые двѣ главы написаны до московскаго совѣщанія. Мы ихъ оставляемъ въ неизмѣненномъ видѣ. Пытаясь предугадать смыслъ и послѣдствія московскаго священнодѣйствія, мы исходили не изъ заявленій лидеровъ и декламацій газетъ (никогда, кажется, лидеры и газеты не лгали, какъ теперь), а изъ классовыхъ интересовъ и политическихъ дѣйствій: этотъ рекомендованный Марксомъ методъ несравненно болѣе надеженъ.

Даже послѣ того, какъ Временное Правительство разоружило революціонный Петербургъ и надъ краснымъ знаменемъ утвердило казацкую пику, оно не посмѣло провоцировать петербургскихъ рабочихъ зрѣлищемъ совѣщанія, которое назвали государственнымъ, чтобъ не назвать антинароднымъ. „Живыя силы“ были приглашены въ благочестивую и спокойную Москву. Но московскій пролетаріатъ встрѣтилъ незванныхъ гостей стачкой протеста и презрѣнія. Отомщенный пролетаріатъ Петербурга вздохнулъ въ тотъ день полной грудью.

Съ позволенія московскихъ товарищей-рабочихъ, посвящаю имъ эту брошюру.

Л. Т.

Что случилось?

Никто не говоритъ толкомъ, для чего собирается московское совѣщаніе. Болѣе того: всѣ будущіе участники совѣщанія заявляютъ, искренно или лицемѣрно, что они не знаютъ, для чего собственно ихъ приглашаютъ въ Москву. При этомъ почти всѣ отзываются о совѣщаніи недовѣрчиво или пренебрежительно. Между тѣмъ всѣ ѣдутъ. Что за причина такая?

Если оставить въ сторонѣ пролетаріатъ, который занимаетъ особое мѣсто, то участники московскаго совѣщанія распадаются на три группы: представительство капиталистическихъ классовъ, организаціи мелкобуржуазной демократіи и правительство.

Имущіе классы полнѣе всего представлены кадетской партіей. За нею стоятъ помѣщики, организація торгово-промышленнаго капитала, финансовыя клики, профессорскія корпораціи. У каждой изъ этихъ группъ имѣются свои особые интересы и политическіе виды. Но общая опасность со стороны рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ массъ сплачиваетъ капиталистическіе классы въ одинъ союзъ контръ-революціи. Не прекращая своихъ монархическихъ интригъ и заговоровъ, дворянски-бюрократическіе и штабно-генеральскіе круги считаютъ однако необходимымъ до поры до времени поддерживать кадетъ. Съ своей стороны, буржуазные либералы, подозрительно косясь на монархическія клики, очень однако цѣнятъ ихъ поддержку противъ революціи. Такимъ образомъ, кадетская партія превращается въ обобщенное представительство крупной и средней собственности всѣхъ категорій. Всѣ притязанія имущихъ, всѣ домогательства эксплуататоровъ сливаются сейчасъ въ капиталистическомъ цинизмѣ и имперіалистическомъ безстыдствѣ Милюкова. Его политика состоитъ въ томъ, чтобъ подстерегать всѣ неудачи революціоннаго режима, всѣ его злоключенія и бѣды и, пользуясь до поры до времени „сотрудничествомъ“ меньшевиковъ и эсэровъ, компрементировать ихъ этимъ сотрудничествомъ и дожидаться своего часу. А за спиною Милюкова дожидается своего часа Гурко.

Эсеро-меньшевистская лже-демократія опирается на крестьянскіе массы, мелкій городской людъ и на отсталыхъ рабочихъ; при этомъ чѣмъ дольше, тѣмъ больше обнаруживается, что главная сила—въ эсерахъ, а меньшевики—съ боку припека. Подъ руководствомъ этихъ двухъ партій, Совѣты, поднятые сперва полустихійнымъ напоромъ массъ на огромную высоту, съ часу на часъ теряютъ свое значеніе и сходятъ на нѣтъ. Гдѣ причина? Марксъ отмѣчалъ, что маленькіе „великіе люди“ мѣщанства, когда исторія даетъ имъ щелчокъ въ носъ, никогда не ищутъ причины своихъ неудачъ

въ своей собственной несостоятельности, а непремѣнно открываютъ чей-нибудь подвохъ или интригу. Какъ же было Церетелли не ухватиться за „заговоръ" 3—5 іюля для объясненія жалкаго провала всей своей политики? Когда Либеры, Гоцы и Войтинскіе спасли устои порядка отъ „анархіи", которая, имъ, впрочемъ, не угрожала, эти господа искренно вѣрили, что имъ, подобно гусямъ спасшимъ Капитолій, полагается награда. И когда они замѣтили, что неуваженіе къ нимъ буржуазіи выросло прямо пропорціонально ихъ усмирительному усердію противъ пролетаріата, они были поражены. Церетелли, самъ Церетелли, великій магъ общихъ мѣстъ, оказался выкинутъ за бортъ, какъ слишкомъ революціонный баластъ. Совершенно ясно: пулеметный полкъ „сорвалъ" революцію.

И если Церетелли со своей партіей оказался въ лагерѣ контръ-развѣдки, Половцева и юнкеровъ, помогая имъ разоружать рабочихъ въ интересахъ контръ-революціи, то виною тому не политическая линія Церетелли, а выступленіе совращеннаго большевиками пулеметнаго полка. Такова философія исторіи политическихъ банкировъ мѣщанства!

На самомъ дѣлѣ дни 3—5 іюля потому стали поворотнымъ моментомъ въ развитіи революціи, что они обнаружили полную неспособность руководящихъ партій мелкобуржуазной демократіи взять въ свои руки власть. Послѣ жалкаго крушенія коалиціоннаго правительства не было казалось, другого исхода, кромѣ взятія всей власти Совѣтомъ. Меньшевики и эсеры, однако, не рѣшались. Взять власть, разсуждали они, значитъ разсориться съ банкирами и дипломатами, — это авантюризмъ. И когда, несмотря на грозный смыслъ событій 3—5 іюля, вожди Совѣта продолжали гоняться за Ефимовымъ, имущимъ классомъ стало окончательно ясно, что совѣтскіе политики стоятъ передъ ними такъ, какъ мелкій лавочникъ стоитъ передъ банкиромъ: со шляпою въ рукѣ. Это именно и придало духу контръ-революціи.

Весь предшествующій періодъ революціи, стоитъ подъ знакомъ такъ называемаго **двоевластія** Эта характеристика исходящая отъ либераловъ, въ сущности очень поверхностна. Дѣло не въ томъ только, что рядомъ съ правительствомъ стоялъ Совѣтъ, который выполнялъ цѣлый рядъ правительственныхъ функцій Даны и Церетелли вѣдь все, что отъ нихъ зависитъ, чтобъ „безболѣзненно" ликвидировать раздвоеніе власти, передавъ ее цѣликомъ правительству. Но суть въ томъ, что за Совѣтомъ и за правительствомъ стояли два разныхъ режима, опиравшихся на разные классы.

За Совѣтомъ стояли рабочія организаціи, вытѣснившія на каждомъ заводѣ самодержавіе капиталиста и устанавливавшія въ предпріятіи республиканскій режимъ, который однако не совмѣстимъ съ капиталистической анархіей и требовалъ неотвратимо общегосударственнаго контроля надъ производствомъ. Въ отстаиваніи правъ собственности капиталисты искали опоры наверху, въ правительствѣ, толкали его со все-возрастающей энергіей противъ Совѣтовъ и заставляли его убѣждаться, что ему не хватаетъ самостоятельнаго аппарата, т. е. орудія репрессій надъ рабочими массами. Отсюда вопли противъ „двоевластія"

За Совѣтомъ стояли выборныя организаціи въ арміи и весь вообще режимъ солдатской демократіи. Временное правительство, идущее нога въ ногу съ Ллойдъ-Джорджемъ, Рибо и Вильсономъ, признающее старыя обязательства царизма и дѣйствующее старыми методами тайной дипломатіи, не могли не наталкиваться на враждебное сопротивленіе новаго армейскаго режима. Это сопротивленіе на верхахъ преломлялось въ крайне ослабленномъ видѣ, черезъ Совѣтъ. Отсюда жалобы, особенно со стороны генералитета на двоевластіе.

Наконецъ, и крестьянскій Совѣтъ, не смотря на жалкій оппортунизмъ и грубый шовинизмъ своихъ вождей, стоялъ подъ все возрастающимъ давленіемъ съ низовъ, гдѣ захваты принимали тѣмъ болѣе угрожающую форму, чѣмъ болѣе имъ сопротивлялось правительство. До какой степени это послѣднее являлось орудіе крупной собственности, лучше всего видно изъ того, что послѣдній запретительно-полицейскій циркуляръ Церетелли ничуть не отличался отъ циркуляровъ кн. Львова. И поскольку на мѣстахъ совѣты и крестьянскіе комитеты пытались установить новый земельный режимъ, они попадали въ жестокое противорѣчіе съ „революціонной“ властью, которая все болѣе превращалась въ цѣнную собаку частной собственности.

Дальнѣйшее развитіе революціи означало переходъ всей власти къ Совѣту и использованіе этой власти въ интересахъ трудящихся противъ собственниковъ. Но углубленіе борьбы противъ капиталистическихъ классовъ должно было неминуемо отвести въ средѣ трудящихся массъ первую роль самому рѣшительному классу, т. е. промышленному пролетаріату. Для введенія контроля надъ производствомъ и распредѣленіемъ пролетаріатъ имѣлъ крайне цѣнные образцы на Западѣ, прежде всего въ такъ называемомъ „военномъ соціализмѣ“ Германіи. Но такъ какъ у насъ эта организующая работа можетъ быть произведена только на основѣ аграрной революціи и подъ руководствомъ дѣйствительно-революціонной власти, контроль надъ производствомъ и его постепенная организація были бы цѣликомъ направлены противъ интересовъ капитала. Въ то время какъ имущіе классы стремились черезъ Временное Правительство установить режимъ „крѣпкой“ капиталистической республики, — полновластіе совѣтовъ, отнюдь еще не означая „соціализма“, сломило бы во всякомъ случаѣ сопротивленіе буржуазіи и — въ зависимости отъ наличныхъ производительныхъ силъ и положенія на Западѣ—направляло бы и преобразовывало экономическую жизнь въ интересахъ трудящихся массъ. Сбросивъ съ себя оковы капиталистической власти, революція стала бы **перманентной**, т. е. непрерывной, она примѣняла бы государственную власть не для того чтобы упрочить режимъ капиталистической эксплуатаціи, а наоборотъ для того, чтобы преодолѣть его. Ея окончательный успѣхъ на этомъ пути зависѣлъ бы отъ успѣховъ пролетарской революціи въ Европѣ. Съ другой стороны, русская революція способна была дать тѣмъ болѣе могущественный толчекъ революціонному движенію на Западѣ, тѣмъ рѣшительнѣе и мужественнѣе она преодолѣвала сопротивленіе соб-

ственной буржуазіи. Такова была и остается **единственно реальная** перспектива дальнѣйшаго развитія революціи.

Но фантазерамъ филистерства эта перспектива представлялась „утопической". Чего они хотѣли? Они этого сами никогда не умѣли формулировать. Церетелли говорилъ во всѣхъ надеждахъ о „революціонной демократіи", явно не понимая, что это такое. Не только эсеры, привыкшіе плавать въ волнахъ демократической фразеологіи, но и меньшевики совершенно отбросили въ сторону классовой критерій, какъ только онъ началъ слишкомъ явно уличать мелко-буржуазный характеръ ихъ политики. Режимъ „революціонной демократіи" все объясняетъ и все оправдываетъ. И когда старые охранники засовываютъ грязные пальцы въ карманъ къ большевику, то это дѣлается не иначе, какъ во имя „революціонной демократіи..." Но не будемъ забѣгать впередъ.

Представляя власть буржуазіи или „нейтрализацуя" власть путемъ коализаціи, эсеро-меньшивистская демократія фактически обезглавливала революцію. Съ другой стороны, отстаивая совѣты, какъ свои органы, мелкобуржуазная демократія фактически препятствовала правительству создать административный аппаратъ на мѣстахъ. Правительство оказывалось не только бесильно на добро, но малосильно на зло. Совѣты, носившіеся съ довольно широкими планами, ни одного изъ нихъ не могли провести въ жизнь. Насаждаемый сверху режимъ капиталистической республики и формировавшійся снизу режимъ рабочей демократіей парализовали другъ друга. Всюду, гдѣ они сталкивались, возникали безчисленные конфликты. Министръ и комиссары усмиряли органъ революціоннаго самоуправленія, командиры скрежетали зубами противъ армейскихъ комитетовъ, совѣты метались между массой и правительствомъ. Кризисъ слѣдовалъ за кризисомъ, приходили и уходили министры. Раздраженіе на низахъ было тѣмъ острѣе, чѣмъ болѣе растерянный и безсистемный характеръ имѣли нажимы власти. А сверху вся жизнь представлялось сплошнымъ разливомъ „анархіи".

Ясно, что малодушно-двойственный режимъ мѣщанской „демократіи" былъ внутренно-несостоятеленъ. И чѣмъ глубже были стоящія передъ революціей проблемы, тѣмъ болѣзненнѣе обнаруживалась эта несостоятельность. Вся государственная постройка стояла на головѣ или на двухъ-трехъ головахъ. Неосторожный жестъ Милюкова, Керенскаго или Церетелли грозилъ всегда обрушить ее цѣликомъ. И чѣмъ дальше тѣмъ рѣзче становилась альтернатива: либо Совѣтъ долженъ взять власть, либо капиталистическое Правительство должно смести Совѣты. Нуженъ былъ только внѣшній толчекъ, чтобы окончательно выбить изъ равновѣсія все зданіе. Такимъ внѣшнимъ толчкомъ для внутренне-обреченной системы явились событія 3—5 іюля. Мелкобуржуазная „идиллія", основанная на „мирномъ" сожительствѣ двухъ исключающихъ другъ друга режимовъ, получила смертельный ударъ. А Церетелли получилъ возможность записать въ свои мемуары, что его планъ спасенія Россіи оказался сорванъ пулеметнымъ полкомъ.

II. Элементы бонапартизма.

Мелкій лавочникъ—человѣкъ трезвенный: онъ паче всего боится „рисковать“. Но въ то же время онъ и величайшій фантастъ: каждый мелкій лавочникъ надѣется стать Ротшильдомъ. Это сочетаніе худосочной трезвенности съ безплодной фантастикой составляетъ самую сущность мелкобуржуазной политики. Не слѣдуетъ думать, писалъ Марксъ, будто представителями мелкой буржуазіи непремѣнно должны быть скаредные торгаши. Нѣтъ, по своему умственному уровню они могутъ высоко стоять надъ забитымъ мѣщанствомъ. Но „выразителями идеи мелкаго буржуа ихъ дѣлаетъ то, что ихъ **мысль** не выходитъ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ заключена его **жизнь**, что поэтому они теоретически приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и тѣмъ же рѣшеніямъ, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ практически“.

Санхо-Пансо воплощаетъ пошлую трезвенность. Но ему отнюдь не чужда романтика: иначе онъ не пошелъ бы за Донъ-Кихотомъ. Трезвенность мелкобуржуазной политики наиболѣе законченно и потому наиболѣе отталкивающе выражаетъ Данъ. Церетелли даетъ сочетаніе этой трезвенности съ романтикой. „Только дуракъ ничего не боится!“ сказалъ Церетелли Мартову. Благонамѣренный мѣщанскій политикъ, наоборотъ, боится всего: онъ боится разгнѣвать своихъ кредиторовъ, онъ боится, что дипломаты примутъ въ серьезъ его „пацифизмъ“, а больше всего онъ боится власти. Такъ какъ „дуракъ ничего не боится“, то мелкобуржуазный политикъ считаетъ, что всесторонней трусостью онъ себя страхуетъ отъ глупости. И въ то же время онъ надѣется стать Ротшильдомъ: вставивъ два-три слова въ дипломатическую ноту Терещенки онъ надѣется приблизить миръ; князю Львову онъ надѣется внушить свои вѣрнѣйшія средства противъ гражданской войны. А кончаетъ великій мелкобуржуазный умиротворитель тѣмъ, что разружаетъ рабочихъ, отнюдь не разружая ни Половцева, ни Каледина. И когда вся эта политика разсыпается прахомъ отъ перваго серьезнаго толчка, Церетелли и Данъ объясняютъ всѣмъ, кто имъ хочетъ вѣрить, что революція отброшена назадъ не неспособностью мелкобуржазной демократіи взять въ свои руки власть, а „мятежемъ“ пулеметнаго полка.

Въ теченіе многолѣтнихъ споровъ о характерѣ русской революціи меньшевизмъ доказывалъ, что носительницей революціоонной власти станетъ у насъ мелкобуржуазная демократія. Мы доказывали, что мѣщанская демократія уже неспособна справиться съ этой задачей, и что довести революцію до конца способенъ только пролетаріатъ, опирающійся на народные низы. Теперь исторія подвела дѣло такъ, что меньшевизмъ оказался политическимъ представительствомъ мелкобуржуазной демократіи, чтобы на собственномъ примѣрѣ доказать ея полную неспособность справиться съ проблемой власти, т. е. взять на себя руководящую роль въ революціи.

Въ „Рабочей Газетѣ“, въ этомъ органѣ поддѣльнаго, дановскаг,о данизированнаго „марксизма“, дѣлаются попытки наклеить на насъ кличку

„третьеіюльцовъ“. Что въ движеніи 3-го іюля мы всѣми симпатіями нашими были съ рабочими и солдатами, а не съ юнкерами, Половцевымъ, Либеромъ и контръ-развѣдкой, это несомнѣнно. Мы бы заслуживали презрѣнья, еслибы это было иначе. Но пусть поостерегутся банкроты „Рабочей Газеты“ слишкомъ напирать на 3-е іюля, ибо это вѣдь день ихъ политическаго самоупраздненія. Кличка **третьеіюльцевъ** можетъ легко повернуться къ нимъ другимъ концомъ. 3-го іюля 1917 г. хищныя клики царской Россіи совершили государственный переворотъ, чтобы захватить въ свои руки государственную власть. 3 іюля 1917 г., въ моментъ глубочайшаго кризиса революціи, мелкобуржуазные демократы громогласно провозгласили, что они не способны и не хотятъ взять въ свои руки власть. Съ ненавистью отшатнувшись отъ революціонныхъ рабочихъ и солдатъ, которые требовали отъ нихъ выполненія элементарнаго, революціоннаго долга, **третьеіюльцы** заключили союзъ съ подлинными **третьеіюньцами** въ цѣляхъ обузданія, разоруженія и заточенія соціалистическихъ рабочихъ и солдатъ. Предательство мелкобуржуазной демократіи, ея позорная капитуляція передъ контръ-революціонной буржуазіей—вотъ что измѣнило соотношеніе силъ, какъ это уже не разъ бывало въ исторіи революціи.

Въ этихъ условіяхъ строилось послѣднее министерство, которое Скобелевъ съ благодарной почтительностью подмастерья п отношенію къ мастеру называетъ не иначе, какъ „правительствомъ Керенскаго“. Безвольный, безсильный, расхлябанный режимъ мелкобуржуазной демократіи уперся въ личную диктатуру

Подъ фирмой такъ называемаго **двоевластія** шла борьба двухъ непримиримыхъ классовыхъ тенденцій: имперіалистической республики и рабочей демократіи. Пока борьба оставалась неразрѣшенной, она парализовала революцію и неизбѣжно порождала явленія „анархіи“. Руководимый политиками, которые всего боятся, Совѣтъ **не смѣлъ** брать власть. Представительница всѣхъ кликъ собственности, кадетская партія, еще **не могла** взять власть. Оставалось искать великаго примирителя, посредника, третейскаго судью.

Еще въ серединѣ мая Керенскій былъ названъ въ засѣданіи Петербургскаго Совѣта „математической точкой русскаго бонапартизма“. Уже эта безтѣлесная характеристика показываетъ, что дѣло шло не о личности Керенскаго, а объ его исторической функціи (дѣятельности, роли). Было бы неосмотрительно утверждать, что Керенскій сдѣланъ изъ того же матеріала, какъ и первый Бонапартъ; это нужно считать по меньшей мѣрѣ недоказаннымъ. Но популярность его, разумѣется, не случайна. Керенскій оказался ближе и понятнѣе всѣхъ всероссійской обывательщинѣ. Защитникъ по политическимъ дѣламъ, „соціалъ-революціонеръ“, который стоялъ во главѣ трудовиковъ, радикалъ безъ какой бы то ни было соціалистической школы—Керенскій полнѣе всего отражалъ первую эпоху революціи, ея „національную“ безформенность, занимательный идеализмъ ея надеждъ и ожиданій. Онъ говорилъ о землѣ и волѣ, о порядкѣ, о мирѣ народовъ, о

защитѣ отечества, о героизмѣ Либкнехта, о томъ, что русская революція должна поразить міръ своимъ великодушіемъ, и размахивалъ при этомъ краснымъ шелковымъ платочкомъ. Полупроснувшійся обыватель съ восторгомъ слушалъ эти рѣчи: ему казалось, что это онъ самъ говоритъ съ трибуны. Армія встрѣтила Керенскаго, какъ избавителя отъ Гучкова. Крестьяне слышали о немъ, какъ о трудовикѣ, о мужицкомъ депутатѣ. Либераловъ, подкупала крайняя умѣренность идей подъ безформеннымъ радикализмомъ фразъ. Насторожѣ были только передовые рабочіе. Но ихъ Совѣты успѣшно растворяли въ „революціонной демократіи".

Свобода отъ предразсудковъ доктрины позволила Керенскому первымъ изъ „соціалистовъ" вступить въ буржуазное правительство. Онъ же первый заклеймилъ именемъ „анархіи" обострившуюся соціальную требовательность массъ, пригрозивъ еще въ маѣ финляндцамъ скорпіонами и бросилъ свою пышную фразу о „возставшихъ рабахъ", которая бальзамомъ пролилась на сердца всѣхъ огорченныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ его популярность представляла собою клубокъ противорѣчій, въ которыхъ отражалась безформенность перваго періода революціи и безвыходность второго. И когда исторія открыла вакансію на третейскаго судью, въ ея распоряженіи не оказалось ближе подходящаго человѣка, чѣмъ Керенскій.

„Историческое ночное засѣданіе въ Зимнемъ Дворцѣ было только репитиціей того политическаго униженія, которое „революціонная" демократія подготовила для себя на московскомъ совѣщаніи. Всѣ козыри въ этихъ переговорахъ оказались въ рукахъ у кадетъ: эсеро-меньшевитская демократія, одерживающая побѣды на всѣхъ безъ исключенія демократическихъ выборахъ и на смерть испуганная своими побѣдами смиренно проситъ цензовыхъ либераловъ о сотрудничествѣ въ правительствѣ! Такъ какъ кадеты не побоялись 3-го іюля подкинуть власть Совѣту и такъ какъ, съ другой стороны либералы не боятся взять въ свои руки всю власть цѣликомъ, то ясно, что они являются господами положенія.

Если Керенскій былъ послѣднимъ словомъ немощной совѣтской гегемоніи, то пусть теперь онъ станетъ первымъ словомъ освобожденія отъ этой гегемоніи.—До поры до времени мы принимаемъ Керенскаго, но съ тѣмъ, чтобы вы перерѣзали пуповину, связывающую его съ Совѣтомъ!—таковъ былъ ультиматумъ буржуазіи.

— Къ сожалѣнію, пренія въ Зимнемъ Дворцѣ не отличались содержательностью—жаловался Данъ, докладчикъ униженія въ засѣданіи Исполнительныхъ Комитетовъ.

Трудно оцѣнить все глубокомысліе этой жалобы со стороны парламентора „революціонной" демократіи, который ушелъ изъ Таврическаго Дворца вечеромъ еще съ властью, а вернулся къ утру порожнемъ. Свою долю власти вожди эсеровъ и меньшевиковъ почтительно сложили у ногъ Керенскаго... Кадеты милостиво приняли этотъ даръ: они-то во всякомъ случаѣ смотрѣли на Керенскаго не какъ на великаго третейскаго судью, а только какъ на передаточную инстанцію. Брать всю власть въ свои

руки немедленно было бы для нихъ слишкомъ опасно въ виду неизбѣжнаго революціоннаго отпора массъ. Гораздо разумнѣе было предоставить „независимому“ отнынѣ Керенскому при содѣйствіи Авксентьевыхъ, Савинковыхъ и другихъ проложить дорогу для чисто буржуазнаго правительства при помощи системы все болѣе и болѣе разнузданныхъ репрессій.

Новое коалиціонное министерство — „правительство Керенскаго“ — было составлено. На первый взглядъ оно ни чѣмъ не отличалось отъ той коалиціи, которая такъ безславно развалилась 3-го іюля. Ушелъ Шингаревъ, пришелъ Кокошкинъ; выступилъ Церетелли, вступилъ Авксентьевъ. Нѣкоторое пониженіе личнаго состава подчеркивало лишь, что обѣ стороны смотрѣли на кабинетъ, какъ на переходный. Но гораздо важнѣе коренное измѣненіе „значимости“ обѣихъ группъ. Раньше — въ идеѣ, по крайней мѣрѣ — министры — „соціалисты“ считались подотчетными представителями Совѣтовъ: буржуазные министры должны были служить для нихъ прикрытіемъ предъ лицомъ союзниковъ и биржи. Теперь наоборотъ: буржуазные министры входятъ, какъ подчиненный органъ, въ составъ открытаго контръ-революціоннаго блока имущихъ (кадетская партія, торгово-промышленники, союзъ землевладѣльцевъ, Временный Комитетъ Думы, казачій кругъ, ставка, союзная дипломатія...), а министры-соціалисты входятъ лишь какъ прикрытіе предъ лицомъ народныхъ массъ. Встрѣченный молчаніемъ Исполнительныхъ Комитетовъ, Керенскій добился овацій обѣщаніемъ не допускать возстановленія монархіи. Такъ низко пала требовательность мѣщанской демократіи! Авксентьевъ призываетъ всѣхъ къ „жертвенности“, неумѣренно расходуя кантіански-псаломщискій пафосъ, свой основной рессурсъ и какъ полагается идеалисту у власти, онъ на помощь категорическому императиву усердно привлекаетъ казаковъ и юнкеровъ. А выдвинувшіе его крестьянскіе депутаты съ изумленіемъ озираются вокругъ, замѣчая, что, прежде чѣмъ они экспропріировали помѣщичью землю, кто-то эспропріировалъ у нихъ вліяніе па государственную власть.

Контръ-революціонные штабы, всячески тѣсня армейскіе комитеты, широко используютъ ихъ въ то же время для репрессій надъ массами и подрывая такимъ путемъ авторитетъ солдатскихъ организацій подготовляютъ ихъ паденіе. Буржуазная контръ-революція имѣетъ въ своемъ распоряженіи для тѣхъ же цѣлей министровъ - „соціалистовъ“, а эти послѣдніе увлекаютъ въ своемъ головокружительномъ паденіи тѣ самые Совѣты, отъ которыхъ они нынѣ независимы, но которые попрежнему зависимы отъ министровъ. Послѣ отказа отъ власти демократическимъ организаціямъ приходится нынѣ ликвидировать и свой авторитетъ. Такимъ образомъ все приготовляется къ пришествію Милюкова. А за его спиною дожидается своего часа Гурко.

Московское совѣщаніе получаетъ свой смыслъ только въ связи съ этимъ общимъ направленіемъ политическаго развитія на верхахъ.

Кадеты до послѣднихъ дней относились къ совѣщанію не только безъ энтузіазма, но прямо съ недовѣрчивостью. Съ нескрываемой не-

пріязнью къ путешествію въ Москву относится и „Дѣло Народа“, органъ той партіи, которая представлена въ правительствѣ Керенскимъ, Авксентьевымъ, Савинковымъ, Черновымъ и Лебедевымъ. „Ѣхать, такъ ѣхать“, пишетъ со вздохомъ „Рабочая Газета“, подражая тому попугаю, котораго кошка тащила за хвостъ. Рѣчи Рябушинскихъ, Алексѣевыхъ, Калединыхъ и пр. и правящей „шайки шарлатановъ“ отнюдь не свидѣтельствуютъ объ ихъ готовности къ жертвеннымъ объятіямъ съ Авксентьевымъ. Наконецъ и правительство, какъ сообщаютъ газеты, не придаетъ московскому совѣщанію „рѣшающаго значенія“. Qiu prodest? Кому же это совѣщаніе нужно и для чего?

сно, какъ божій день, что оно цѣликомъ направлено противъ Совѣтовъ. Эти послѣдніе не идутъ на совѣщаніе, ихъ туда тащатъ на арканѣ. Совѣщаніе нужно контръ-революціоннымъ классамъ, какъ опора для окончательнаго низложенія Совѣтовъ. Но почему же отвѣтственные органы буржуазіи относятся къ совѣщанію такъ сдержанно? Потому что оно прежде всего нужно для упроченія „надклассовой“ позиціи верховнаго третейскаго судьи. Милюковъ боится, что Керенскій выйдетъ съ совѣщанія слишкомъ окрѣпшимъ, и что въ результатѣ слишкомъ затянутся политическіе каникулы Милюкова. А вѣдь каждый патріотъ торопится спасать отечество на свой ладъ.

Въ результатѣ „исторической“ ночи въ Зимнемъ Дворцѣ получился режимъ Керенскаго, этотъ бонапартизмъ приготовительнаго класса. Но московское совѣщаніе, по своему составу и по своимъ цѣлямъ, есть воспроизведеніе исторической ночи такъ сказать при свѣтѣ дня. Церетелли долженъ будетъ еще разъ на всю Россію объяснить, что переходъ власти къ революціонной демократіи былъ бы несчастьемъ и гибелью революціи. Послѣ этого торжественнаго провозглашенія собственнаго банкротства представителямъ революціонной демократіи дано будетъ услышать направленный противъ нихъ грозный обвинительный актъ, заранѣе формулированный Родзянкой, Рябушинскимъ, Милюковымъ, ген. Алексѣевымъ и другими „живыми силами“ страны. Наша имперіалистическая клика, которой правительствомъ въ московскомъ совѣщаніи отведенъ красный уголъ, выдвинетъ лозунгъ: „вся власть намъ“. Совѣтскіе вожди, лицомъ къ лицу съ необозримостью аппетитовъ имущихъ классовъ будутъ угрожать имъ возмущеніемъ тѣхъ самыхъ рабочихъ и солдатъ, которыхъ Церетелли разоружалъ за лозунгъ „Вся власть Совѣтамъ!“. Въ качествѣ предсѣдателя, Керенскому останется только констатировать наличность „разногласій“ и обратить вниманіе „заинтересованныхъ сторонъ“ на то, что имъ никакъ не обойтись безъ третейскаго судьи. Что и требовалось доказать.

„Еслибъ я былъ въ правительствѣ,—признавался на засѣданіи Центр. Исп. К-та меньшевикъ Богдановъ,—я этого совѣщанія не созывалъ бы, ибо правительство не достигнетъ на немъ того, къ чему стремится: укрѣпленія и расширенія своей базы“. Надо признать, что эти „реальные“ политики совершенно не понимаютъ того, что происходитъ при ихъ ближайшемъ участіи. Послѣ распада коалиціи 2-го іюля отказъ Совѣта

вешь власть **исключаль** возможность созданія правительства на широкой базѣ. Безконтрольное правительство Керенскаго есть по принципу правительство безъ соціальной базы. Оно сознательно встало **между** двумя возможными базами: трудящейся массой и имперіалистическими классами. Въ этомъ и состоитъ его бонапартизмъ. Московское совѣщаніе имѣетъ своей задачей сшибивъ лбами цензовыя и демократическія партіи, упрочить личную диктатуру, которая политикой безотвѣтственнаго авантюризма подрываетъ всѣ завоеванія революціи.

Для этой цѣли оппозиція слѣва также необходима, какъ и оппозиція справа. Нужно только, чтобы онѣ приблизительно уравновѣшивали другъ друга и чтобъ соціальныя условія поддерживали это равновѣсіе. Но этого то именно и нѣтъ.

Древній царизмъ выросъ изъ борьбы классовъ въ средѣ свободнаго общества; но подъ всѣми борющимися фракціями и ихъ цезаремъ была устойчивая база рабочаго труда. Новый цезаризмъ, выросшій изъ борьбы пролетаріата и буржуазіи ищетъ необходимой опоры въ пассивной устойчивости крестьянства; при этомъ главнымъ орудіемъ бонапартизма является дисциплинированная армія. У насъ же ни одного изъ этихъ условій еще нѣтъ на лицо. Все общество пронизано обнаженными антагонизмами, достигшими высшей степени напряженности Борьба между рабочими и капиталистами, крестьянами и помѣщиками, солдатами и генералитетомъ, угнетенными національностями и центральной властью не оставляетъ для этой послѣдней никакихъ элементовъ, устойчивости, если только правительство не рѣшится связать свою судьбу съ одной изъ борющихся силъ. До завершенія аграрной революціи попытки „надклассовой“ диктатуры будутъ неизбѣжно оставаться эфемерными (скоропреходящими).

Милюковъ, Родзянко, Рябушинскій хотятъ, чтобъ власть окончательно отожествилась съ ними, т. е. превратилась въ контръ-революціонную диктатуру эксплуататоровъ надъ революціонными рабочими, крестьянами и солдатами. Керенскій хочетъ демократію испугать контръ-революціей, а контръ-революцію—демократіей и на этомъ утвердить диктатуру личной власти, отъ которой массамъ будетъ не лучше. Но все это счеты безъ хозяина. Революціонныя массы еще не сказали своего послѣдняго слова.

Армія въ революціи.

Въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ шла съ первыхъ же дней революціи та же борьба: между рабоче-крестьянской демократіей, складывавшейся снизу, и имперіалистической республикой, которую имущія классы пытались строить сверху.

Господа генералы поспѣшили „признать“ республику—по крайней мѣрѣ, до поры—до времени—въ твердомъ разсчетѣ на то, что республика

признаетъ ихъ генеральство и даже возвеличитъ его, устранивъ великокняжескихъ бездѣльниковъ. „Національная“ революція означала въ ихъ глазахъ дворцовый переворотъ: снять Николая и его Алису, но сохранить цѣликомъ классовую дисциплину и воинское чинопочитаніе... На дняхъ телеграфъ сообщилъ, что греческій „вождь“ Венизелосъ объявляетъ Грецію „республикой, увѣнчивающейся королемъ“! Брусиловы, Гучковы, Родзянки и Милюковы хотѣли, наоборотъ, сохранить Россію монархіей, освобожденной отъ царя. Но движеніе пошло иными, болѣе глубокими путями. Февральское возстаніе петербургскихъ полковъ не было плодомъ заговора: оно явилось результатомъ мятежнаго настроенія всей арміи и народныхъ массъ вообще. И возмущеніе рабочихъ и солдатъ направлялось не только противъ бездарнаго и прогнившаго царизма, неспособнаго вести имъ же вызванную войну, но и противъ самой этой войны. Глубочайшій переломъ, который производила революція въ настроеніи и поведеніи солдатъ, грозилъ не только непосредственнымъ имперіалистическимъ цѣлямъ войны, но и самому орудію этихъ цѣлей, старой арміи, построенной на командѣ сверху, неразсуждающемъ повиновеніи снизу.

Сейчасъ генералы, полковники, третьеіюньскіе политики и буржуазные газетчики рвутъ и мечетъ противъ приказа № 1. По ихъ мнѣнію, не приказъ выросъ изъ глубочайшаго броженія въ арміи, а наоборотъ, броженіе явилось плодомъ приказа. Въ самомъ дѣлѣ: еще до вчерашняго дня солдаты подчинялись ихъ приказамъ, а сегодня перестали: не ясно ли, что они подчинились какому-то новому „приказу“, который въ книгѣ исходящихъ записанъ подъ № 1. Этотъ штабно-канцелярскій кретинизмъ замѣняетъ сейчасъ историческую точку зрѣнія самымъ широкимъ буржуазнымъ кругамъ.

Такъ называемое разложеніе арміи выражалось въ неповиновеніи начальству и въ непризнаніи этой войны своей войной. Именно въ виду этихъ явленій Керенскій бросилъ въ лицо пробуждающейся арміи своихъ „возставшихъ рабовъ“. Если буржуазія считала, что достаточно замѣнить Сухомлиновыхъ Гучковыми, чтобы снова впрячь армію въ колесницу имперіализма, то Керенскій, въ своей мѣщанской поверхностности и самовлюбленности, вѣрилъ, что достаточно ему смѣнить Гучкова, чтобъ армія снова стала послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Поистинѣ „безсмысленныя мечтанія“!

Революція, если взять ее со стороны массовой психологіи, есть провѣрка разумомъ унаслѣдованныхъ учрежденій и традицій. Всѣ бѣдствія, страданія и униженія, какія принесли народу и, въ особенности арміи война, увѣнчивались волей царя. Если въ Петербургѣ сбросили самого царя, то какъ же могли солдаты не сбрасывать съ себя власти тѣхъ офицеровъ, которые были наиболѣе ретивыми и преступными проводниками системы царизма? Какъ могли солдаты не поставить передъ собою вопроса о смыслѣ и цѣли войны, разъ низложеннымъ оказался тотъ, отъ кого зависѣли прежде и война и миръ?

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ обратился 14 марта съ манифестомъ къ народамъ Европы, призывая ихъ къ борьбѣ за демократическій миръ. Это то же былъ „Приказъ № 1-й „по отношенію къ вопросамъ міровой политики. Въ то время, какъ манифестъ явился попыткой отвѣта на жгучій непреодолимый вопросъ арміи и народа: **воевать ли дальше, и во имя чего?**—имперіалисты рисуютъ дѣло такъ, будто безъ манифеста этотъ вопросъ вовсе не пришелъ бы въ солдатскую голову, пробужденную громомъ революціи.

Милюковъ предчувствовалъ, что революція пробудитъ критику и самостоятельность въ арміи и слѣдовательно явится угрозой для имперіалистическихъ цѣлей войны. Поэтому онъ въ четвертой Думѣ открыто выступалъ противъ революціи. И если Милюковъ теперь шипитъ по поводу „Приказа“, Манифеста и Циммервальда, будто бы отравившихъ армію, то у него-то это во всякомъ случаѣ совершенно сознательная ложь. Милюковъ прекрасно понимаетъ, что главный „ядъ“ кроется не въ тѣхъ или другихъ „Приказахъ“ Совѣта, достаточно умѣренныхъ даже въ лучшую его пору, а въ самой революціи, которая перевела страданіе массъ на языкъ протестовъ, требованій и открытаго соизмѣренія силъ.

Процессъ внутренней перестройки арміи и политической оріентировки ея солдатской массы прорвался страшной катастрофой на фронтѣ. Прямая причина этой катастрофы — въ противорѣчіи между имперіалистической политикой, которая сдѣлала своимъ орудіемъ Временное Правительство, и стремленіемъ массъ къ скорѣйшему и „безобидному“ миру. Новая дисциплина и подлинный энтузіазмъ въ арміи могли развиться только изъ самой же революціи, изъ мужественнаго разрѣшенія ея внутреннихъ задачъ и изъ ея столкновенія съ внѣшними препятствіями. Народъ и армія, почувствовавъ и убѣдившись, что революція есть ихъ революція, что правительство есть ихъ правительство, что оно ни предъ чѣмъ не останавливается въ защитѣ ихъ интересовъ противъ эксплуататоровъ, что оно не ставитъ себѣ никакихъ угнетательскихъ и грабительскихъ внѣшнихъ задачъ, что оно не ломитъ шапки передъ „союзными“ биржевиками, что оно открыто предлагаетъ народамъ немедленный миръ на демократическихъ основахъ,—трудящійся народъ и его армія оказались бы при такихъ условіяхъ проникнуты неразрывнымъ единствомъ, и если бы нѣмецкая революція не пришла во время намъ на помощь, русская армія съ такимъ же энтузіазмомъ боролась бы противъ Гогенцоллерна, съ какимъ русскіе рабочіе готовы отстаивать народныя завоеванія противъ покушеній контръ революціи.

Имперіалисты боялись этого пути, какъ смерти,—и они были правы. Кургузые политики мѣщанства не вѣрили въ этотъ путь, какъ мелкій лавочникъ не вѣритъ въ возможность экспропріаціи банковъ. Отвергая „утопіи“, т.-е. политику дальнѣйшаго развитія революціи, эсеры и меньшевики проводили ту именно гибельную политику двойственности, которая привела къ катастрофѣ.

Солдату сказали, и сказали правильно, что война—имперіалистическая, на обѣихъ сторонахъ, что русское правительство опутано со всѣхъ

сторонъ финансовыми, дипломатическими и военными договорами, пагубными для народовъ всѣхъ странъ, а потомъ прибавили: „а пока что воюй на основѣ старыхъ договоровъ, рука объ руку со старыми союзниками". Но вѣдь солдатъ, идущій въ огонь, „пока что" идетъ навстрѣчу смерти. Идти сознательно на высшую жертву можетъ только такой солдатъ, который охваченъ атмосферой коллективнаго энтузіазма; а этотъ послѣдній возможенъ только при условіи глубокой увѣренности въ правотѣ своего дѣла. Революція уничтожила психологію неразсуждающей „святой скотинки". Никакой Корниловъ, никакой Каледипъ не повернетъ исторію вспять и не возстановитъ палачной дисциплины, хотя бы на время, безъ ужасающихъ репрессій, которыя означаютъ длительную эпоху кроваваго хаоса. Сохраниться, какъ боеспособная величина, армія могла, лишь получивъ новыя цѣли, новые методы, новую организацію. Необходимо было сдѣлать изъ революціи всѣ выводы. Тотъ режимъ половинчатости и двусмысленности, какой создало для арміи Временное Правительство при содѣйствіи эсеровъ и меньшевиковъ, заключалъ въ себѣ неизбѣжную катастрофу. Армію вооружили извѣстными критеріями и дали ей возможность гласной критики. Въ то же время поставили передъ ней цѣли, явно не выдерживающія революціонней критики, и во имя этихъ цѣлей потребовали отъ нея, истощенной, голодной и разутой, сверхчеловѣческаго напряженія. Можно ли было сомнѣваться въ результатѣ, особенно при сознательно-„пораженческой" работѣ кое-какихъ штабныхъ генераловъ?

Но Временное Правительство опьяняло себя патетическимъ празднословіемъ. Солдатскую массу, находившуюся въ состояніи глубокаго броженія, господа министры считали матеріаломъ, изъ котораго можно сдѣлать все, что нужно опутавшимъ несчастную разоренную страну имперіалистамъ, своимъ и чужимъ. Керенскій заклиналъ, угрожалъ, становился на колѣни, цѣловалъ землю, не давая однако солдатамъ отвѣта ни на одинъ мучившій ихъ вопросъ. Обманувъ себя дешевыми эффектами, онъ заручился поддержкой съѣзда совѣтовъ, гдѣ господствовала легкомысленная при всей своей „осторожности" мѣщанская демократія, и скомандовалъ наступленіе. Это былъ въ буквальномъ смыслѣ слова „приказъ № 1" россійской контръ революціи.

4-го іюня мы, интернаціоналисты, огласили на съѣздѣ совѣтовъ декларацію по поводу готовившагося наступленія, и въ ней наряду съ принципіальной критикой, мы прямо указывали, что при данномъ состояніи арміи наступленіе есть военная авантюра, грозящая самому существованію арміи. Мы оказались слишкомъ правы. Правительство ничего не учло, ничего не предусмотрѣло. Правительственныя партіи меньшевиковъ и эс-еровъ улюлюкали по нашему адресу вмѣсто того, чтобы прислушаться къ нашимъ словамъ.

Когда несчастье, предсказанное большевиками разразилось, обвинили... большевиковъ. За трагедіей, вызванной легкомысліемъ и безотвѣтственностью, развернулась мерзость трусости. Всѣ вершители судебъ торопились взвалить вину на третьяго. Офиціозныя рѣчи и статьи тѣхъ дней навсегда останутся памятниками человѣческой низости.

Травлей большевиковъ можно, разумѣется, на нѣкоторое время сбить съ толку тупую обывательщину. Но этимъ отнюдь не устраняется и не ослабляется вопросъ о правительственной отвѣтственности. Виноваты ли большевики или нѣтъ, только какъ же правительство ничего не предвидѣло? Оно значитъ не имѣло понятія о той самой арміи, которую посылало въ бой. Не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, способна ли армія перейти въ наступленіе, оно двинуло ее впередъ. Во главѣ правительства стояли не большевики. Какъ бы слѣдовательно ни обстояло дѣло съ этими послѣдними, на правительство Керенскаго—Церетелли—Чернова падаетъ вся тяжесть отвѣтственности за трагическую авантюру наступленія.

Эта отвѣтственность усугубляется тѣмъ, что предупрежденія шли, повидимому, не только со стороны интернаціоналистовъ. „Новое Время", находящееся въ тѣснѣйшей связи съ реакціоннымъ генералитетомъ, разсказывало . -го августа слѣдующее про подготовку наступленія:

„Осторожный Алексѣевъ, не желавшій бросать на убой неподготовленныхъ къ бою людей, не желавшій рисковать завоеваннымъ, въ поискахъ непрочныхъ успѣховъ, — уволенъ. Миражъ побѣды, жажда скораго мира, который Германія „должна" была принять изъ рукъ петроградскихъ вожаковъ, выдвинули Брусилова, вскорѣ же и смытаго обратной волной"...

Эти краснорѣчивыя строки разъясняютъ и подтверждаютъ глухое сообщеніе „Рѣчи", въ моментъ отставки Алексѣева, по поводу ухода „осторожнаго стратега", которому на смѣну идетъ не знающій сомнѣній „кавалеристъ". Вымогая наступленіе, кадеты заблаговременно отмежевывались отъ кавалерійской политики и стратегіи, подготовляя свой демонстративный выходъ изъ министерства 2-го іюля. А министры — „соціалисты" смѣну военачальниковъ, вызванную потребностями авантюры наступленія, объясняли на ухо „революціонной демократіи" тѣмъ, что монархиста Алексѣева смѣняетъ „истинный демократъ" Брусиловъ. Такъ дѣлается исторія!

Послѣ того, какъ „бросили на убой, неподготовленныхъ къ бою людей", по выраженію „Новаго Времени", и уткнулись лицомъ въ страшныя послѣдствія, не осталось ничего другого, какъ поручить Дану, Либеру, и прочимъ патріотическимъ выжметникамъ открыть погромную травлю противъ большевиковъ. Это та именно часть „творческой работы" по оборонѣ, которая какъ разъ по плечу названнымъ „вождямъ". Стараясь перекричать всѣхъ буржуазныхъ громилъ, Даны и Либеры обличали „демагоговъ", которые бросаютъ въ „темныя солдатскія массы" такіе лозунги, какъ опубликованіе тайныхъ договоровъ, разрывъ съ имперіалистами и пр. „Это вѣрно, презрительно поддерживали ихъ буржуазные громилы, но вѣдь это цѣликомъ относится и къ Приказу № 1 къ манифесту 14 марта, которые вы демагогически бросали въ темныя солдатскія массы". И тогда Даны и Либеры, отирая холодный потъ со лба, силятся припомнить азбуку революціоннаго мышленія въ защиту своихъ старыхъ грѣховъ, но сейчасъ

Библиотека Института ... 106354

же съ ужасомъ убѣждаются, что имъ приходится только повторять наши слова. И это фатально: ибо наши лозунги представляютъ собою только необходимый выводъ изъ развитія революціи, на пути которой приказъ и манифестъ Совѣта были первыми вѣхами...

Но самое поразительное на первый взглядъ это то, что, несмотря на ужасающія послѣдствія наступленія, министры-„соціалисты" продолжаютъ записывать его въ свой активъ и въ переговорахъ съ буржуазіей ссылаются на наступленіе, какъ на свою великую патріотическую заслугу.

„Я спрошу,—воскликнулъ въ Москвѣ Церетелли,—кому легче было двинуть войска русскаго революціоннаго государства: военному министру Гучкову или военному министру Керенскому? („браво", апплодисменты)".

Церетелли такимъ образомъ открыто хвалится тѣмъ, что Керенскій выполняетъ ту самую работу, которую долженъ былъ выполнить Гучковъ, но которая ему, не располагающему кредитомъ „революціонной" демократіи, оказалась не подъ силу. И буржуазія, несмотря на вызванную наступленіемъ катастрофу, охотно признаетъ заслугу Керенскаго.

„Мы знаемъ и помнимъ,—заявилъ въ Москвѣ кадетъ Набоковъ,—что 2 мѣсяца тому назадъ тотъ великій порывъ русской арміи, который въ это страшное время вписалъ одну новую свѣтлую страницу, былъ вдохновляемъ человѣкомъ, стоящимъ сейчасъ во главѣ Временнаго Правительства. Этого исторія ему не забудетъ".

Ясно слѣдовательно, что „свѣтлая страница" наступленія 18-го іюня не имѣетъ никакого отношенія къ оборонѣ, такъ какъ военное положеніе Россіи въ результатѣ наступленія только ухудшилось. Если буржуазія тѣмъ не менѣе съ признательностью говоритъ о наступленіи, то именно потому, что жестокій ударъ, полученный нашей арміей, въ результатѣ политики Керенскаго создалъ благопріятныя условія для сѣянья паники и для контръ-революціонныхъ экспериментовъ. Весь авторитетъ эсеро-меньшевистской демократіи ушелъ на то, чтобы вызвать наступленіе, а это послѣднее въ корнѣ оборвало тотъ противорѣчиво-неустойчивый режимъ, на поддержаніе котораго мѣщанскіе вожди тратили всю свою мелкую изобрѣтательность.

И наступленіе и вопросъ мира разсматриваются сейчасъ буржуазіей и ея генералами главнымъ образомъ подъ угломъ внутренней политики, то-есть дальнѣйшаго развитія контръ-революціи. Это ярче всего выразилъ на московскомъ совѣщаніи генералъ Корниловъ. „Миръ сейчасъ не можетъ быть достигнутъ—сказалъ онъ—уже по одному тому, что мы не въ состояніи произвести демобилизацію .. Необходимо поднять престижъ офицеровъ". Въ арміи сосредоточено слишкомъ много вооруженныхъ государствомъ людей, которые предъявляютъ къ государству слишкомъ радикальныя требованія. Только дальнѣйшее продолженіе войны, независимо отъ военныхъ шансовъ, дастъ возможность „поднять престижъ офицеровъ", прибрать къ рукамъ солдатскую массу и обезпечить такую демобилизацію, при которой солдаты не смогутъ угрожать устоямъ собственности и имперіалистической государственности. И если на этомъ пути понадобится сепаратный миръ, буржуазія заключитъ его, не моргнувъ глазомъ.

Со дня 18-го іюня контръ-революція увѣренно подвигается впередъ. И она не остановится до тѣхъ поръ, пока не получитъ могучаго удара въ грудь.

III. Что же дальше?

Въ тотъ моментъ, когда эти строки дойдутъ до читателя, московское совѣщаніе уже останется позади. Можно почти не сомнѣваться въ томъ, что нынѣшнее правительство, воплощающее собою шатающуюся и злобствующую несостоятельность, не выдержитъ московскаго натиска и потерпитъ новыя измѣненія. Не даромъ ген. Корниловъ разъясняетъ, что не нужно бояться новаго кризиса власти. Этотъ кризисъ въ ближайшій моментъ можетъ скорѣе всего разрѣшиться новымъ сдвигомъ вправо. Получитъ ли при этомъ Керенскій дополнительную порцію независимости отъ организованнаго контроля демократіи, который будетъ замѣщенъ тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ закулиснымъ контролемъ имперіалистическихъ кликъ; станетъ ли новое правительство въ опредѣленныя отношенія къ тому генеральному штабу имущихъ классовъ, который будетъ созданъ несомнѣнно московскимъ совѣщаніемъ; какова будетъ примѣсь „соціалистическихъ" бонапартистовъ въ новой правительственной комбинаціи,—это все вопросы второстепеннаго значенія. Но если-бы даже натискъ буржуазіи оказался отбитъ и московское совѣщаніе завершилось новымъ выходомъ кадетъ изъ правительства, навязанная „революціонной" демократіи власть вовсе еще не означала бы революціонно-демократической власти. Опутанные по рукамъ и ногамъ своими обязательствами по отношенію къ союзной биржѣ и дипломатіи, съ грузомъ репрессій противъ рабочихъ и солдатъ за спиною, оффиціальные совѣтскіе вожди продолжали бы свою политику двоедушія и уклончивости. Уйдя изъ министерства, Коноваловъ лишь переложилъ свою миссію на Скобелева. Министерство Керенскаго—Церетелли и безъ кадетъ проводило бы полукадетскую программу. Одного ухода кадетъ мало. Нуженъ приходъ новыхъ силъ и новыхъ методовъ...

Московское совѣщаніе подводитъ во всякомъ случаѣ итогъ подъ цѣлой эпохой революціи, когда руководящую роль играла эсеро-меньшевистская тактика соглашенія съ буржуазіей, — соглашенія, основаннаго на отказѣ отъ самостоятельныхъ задачъ революціи, на ихъ подчиненіи идеѣ коалиціи съ врагами революціи.

Русская революція непосредственно выросла изъ войны. Война создала ей свойственную форму общенародной организаціи: армію. Главная масса населенія, крестьянская, оказалась принудительно организованной въ моментъ революціи. Совѣты солдатскихъ депутатовъ призвали армію къ политическому представительству, причемъ крестьянская масса автоматически посылала въ совѣты полу-либеральныхъ интеллигентовъ, которые безформенность ея ожиданій и надеждъ переводили на языкъ самаго жалкаго крохо-

борства и приспособленчества. Мелко-буржуазная интеллигенція, сама кругомъ зависимая отъ крупной буржуазіи, получила руководство надъ крестьянствомъ. Совѣты солдатско-крестьянскихъ депутатовъ получили численный перевѣсъ надъ рабочимъ представительствомъ. Петербургскій пролетарскій авангардъ былъ объявленъ темной массой. Цвѣтомъ революціи оказались мартовскіе эсеры и меньшевики изъ „мѣстечковыхъ" интеллигентовъ, опирающіеся на крестьянъ. На этомъ фундаментѣ путемъ двухъ—и трехстепенныхъ выборовъ возникъ Центральный Исполнительный Комитетъ. Петербургскій Совѣтъ, который выполнялъ въ первый періодъ общероссійскія функціи, стоялъ все же подъ непосредственнымъ давленіемъ революціонныхъ массъ. Центральный Комитетъ, наоборотъ, пребывалъ на революціонно-бюрократическихъ высотахъ, оторванный отъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ и имъ враждебный.

Достаточно напомнить, что Центр. Комитетъ счелъ необходимымъ призывать **съ фронта** войска для подавленія петербургской демонстраціи, которая къ моменту прибытія войскъ была фактически уже ликвидирована самими демонстрантами. Мѣщанскіе вожди погубили себя политически тѣмъ, что увидѣли смуту, анархію и мятежъ тамъ, гдѣ было вытекавшее изъ всего положенія стремленіе вооружить революцію аппаратомъ власти. Разоруживъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ, Церетелли, Даны и Черновы разоружили авангардъ революціи и нанесли неисцѣлимый ударъ вліянію своего собственнаго Исполнительнаго Комитета.

Сейчасъ, предъ лицомъ тѣснящей ихъ контръ-революціи, эти политики говорятъ о возстановленіи авторитета и значенія Совѣтовъ. Въ качествѣ лозунга момента они выдвигаютъ организацію массъ вокругъ Совѣтовъ. Но такая безсодержательная постановка вопроса глубоко реакціонна. Подъ формальнымъ призывомъ къ организаціи она хочетъ обойти вопросъ о политическихъ задачахъ и методахъ борьбы. Организовать массы во имя „поднятія авторитета" Совѣтовъ—жалкая и безплодная затѣя. Массы довѣряли Совѣтамъ, шли за ними, подняли ихъ на огромную высоту. Въ результатѣ онѣ наблюдали капитуляцію Совѣтовъ передъ злѣйшими врагами этихъ массъ. Было бы ребячествомъ думать, что масса сможетъ или захочетъ повторить уже продѣланный историческій опытъ сначала. Для того, чтобы упадокъ довѣрія массъ къ нынѣшнимъ руководящимъ центрамъ демократіи не превратился въ упадокъ довѣрія къ самой революціи, необходимо дать массѣ критическую оцѣнку всей предшествующей политической работѣ въ революціи, а это значитъ безпощадное осужденіе всей работы эсеровскихъ и меньшевистскихъ вождей.

Мы скажемъ массамъ: они винятъ во всемъ большевиковъ; но почему же они оказались безсильны противъ большевиковъ? На ихъ сторонѣ было не только большинство въ Совѣтахъ, но и правительственная власть,—и тѣмъ не менѣе они умудрялись оказаться жертвой мнимаго „заговора" такъ называемой ничтожной кучки большевиковъ!

Послѣ событій 3—5 іюля эсеры и меньшевики въ Петербургѣ еще болѣе ослабѣли, большевики еще болѣе усилились. То же самое—въ

Москвѣ. Это ярче всего обнаруживаетъ, что въ своей политикѣ большевизмъ даетъ выраженіе дѣйствительнымъ потребностямъ развивающейся революціи, тогда какъ эсеро-меньшевистское „большинство“ только закрѣпляетъ вчерашнюю безпомощность и отсталость массъ. И сегодня уже этого одного закрѣпленія недостаточно: на помощь ему идетъ самая разнузданная репрессія. Эти люди борятся противъ внутренней логики революціи, и именно поэтому они оказываются въ одномъ лагерѣ съ ея классовыми врагами. Именно поэтому мы обязаны подрывать довѣріе къ нимъ—во имя довѣрія къ завтрашнему дню революціи.

Насколько безсодержателенъ голый лозунгъ поддержки Совѣтовъ, это яснѣе всего видно на взаимоотношеніи Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петербургскаго Совѣта. Въ виду того, что этотъ послѣдній, опирающійся на передовой отрядъ рабочаго класса и связанныхъ съ нимъ солдатъ, все болѣе рѣшительно переходитъ на позицію революціонной соціалъ-демократіи, **Центральный Исполнительный Комитетъ систематически подрываетъ авторитетъ и значеніе петербургскаго Совѣта.** Его не созываютъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. У него фактически отняли его органъ, „Извѣстія“, гдѣ мысль и жизнь петербургскаго пролетаріата совершенно не находятъ своего отраженія. Когда бѣснующаяся буржуазная печать клеймитъ и безчеститъ вождей петербургскаго пролетаріата, „Извѣстія“ не слышатъ и не видятъ... Что можетъ означать въ этихъ условіяхъ лозунгъ поддержки Совѣтовъ? Только одно: поддержку петербургскаго Совѣта **противъ** бюрократизированнаго, неизмѣннаго въ своемъ составѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета. Нужно отвоевать для петербургскаго Совѣта полную независимость организаціи, ея охраны и ея политическихъ дѣйствій.

Это важнѣйшая задача, которая должна быть разрѣшена въ ближайшую очередь. Петербургскій Совѣтъ долженъ стать центромъ новой революціонной мобилизаціи рабочихъ, солдатъ и крестьянскихъ низовъ — для борьбы за власть.

Нужно всѣми силами поддержать иниціативу конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ по созыву **всероссійскаго съѣзда рабочихъ депутатовъ.** Для того, чтобы пролетаріатъ могъ завоевать для своей тактики солдатскую и деревенскую бѣдноту, его тактика должна быть рѣзко и непримиримо противопоставлена тактикѣ Центр. Исп. Комитета *). Это можетъ быть достигнуто только при томъ условіи, если пролетаріатъ, какъ классъ, создастъ свою централизованную организацію въ общегосударственномъ масштабѣ. Мы не можемъ предвидѣть всѣхъ уклоновъ и зигзаговъ историческаго пути. Какъ политическая партія, мы не отвѣчаемъ за ходъ исторіи. Но зато тѣмъ болѣе мы отвѣтственны передъ нашимъ классомъ: сдѣлать его способнымъ провести свои задачи черезъ всѣ зигзаги историческаго пути—таковъ нашъ основной политическій долгъ.

---

*) Изъ сказаннаго достаточно ясно видно какой безсильно-реакціонной утопіей является выдвинутая «Новой Жизнью» идея о нашемъ объединеніи съ меньшевиками.

Правящіе классы вмѣстѣ съ Правительствомъ „Спасенія" дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы политическую проблему революціи поставить ребромъ не только передъ рабочими, но и передъ арміей и передъ деревней. Эсеры и меньшевики сдѣлали и дѣлаютъ все, чтобы раскрыть несостоятельность своей тактики передъ самыми широкими трудящимися слоями страны. Отъ нашей партіи, отъ ея энергіи, выдержки, настойчивости зависитъ теперь—сдѣлать всѣ необходимые выводы изъ положенія и во главѣ всѣхъ обездоленныхъ и истерзанныхъ массъ повести рѣшительную борьбу за ихъ революціонную диктатуру.

Характеръ русской революціи.

Либеральные и эсеро-меньшевистскіе политики и газетчики очень озабочены соціологической оцѣнкой русской революціи: буржуазная она или какая иная? На первый взглядъ такой теоретическій интересъ можетъ показаться загадочнымъ. Либералы отнюдь не заинтересованы въ раскрытіи классоваго характера «своей» революціи. Что же касается мелкобуржуазныхъ «соціалистовъ», то они, вообще говоря, руководятся въ своей дѣятельности не теоретическимъ анализомъ, а «здравымъ смысломъ», который есть не что иное, какъ псевдонимъ ограниченности и безпринципности. Дѣло однако въ томъ, что вдохновляемыя Плехановымъ милюковско-дановскія разсужденія о буржуазномъ характерѣ русской революціи не заключаютъ въ себѣ ни одного золотника теоріи. Ни «Единство», ни «Рѣчь», ни «День», ни скорбная главою «Рабочая Газета» не даютъ себѣ даже труда опредѣлить, что они понимаютъ подъ буржуазной революціей. Смыслъ ихъ упражненій чисто практическій: доказать право» буржуазіи на власть. Хотя Совѣты представляютъ большинство политически жизнеспособнаго населенія; хотя на всѣхъ демократическихъ выборахъ, въ городѣ какъ и въ деревнѣ, капиталистическія партіи проваливаются съ трескомъ, но «такъ какъ наша революція буржуазная», то необходимо установить политическія привиллегіи для буржуазіи и отвести ей въ правительствѣ такую роль, на какую политическія группировки въ странѣ не даютъ ей никакого права. Если бы поступать сообразно съ принципами демократическаго парламентаризма, то ясно, что власть должна была принадлежать эсерамъ, однимъ или совмѣстно съ меньшевиками. Но «такъ какъ наша революція буржуазная», то принципы демократіи отмѣняются, представителямъ подавляющаго большинства народа отводится въ министерствѣ пять мѣстъ, а представителямъ ничтожнаго меньшинства—вдвое больше. Къ черту демократію, да здравствуетъ плехановская соціологія!

— Развѣ можно буржуазную революцію дѣлать безъ буржуазіи?— вкрадчиво спрашиваетъ Плехановъ, ссылаясь на діалектику и на Энгельса.

— Вотъ именно!—подхватываетъ Милюковъ.—Мы, кадеты, были бы готовы отказаться отъ власти, которой явно не хочетъ намъ давать на

родъ. Но мы не можемъ идти противъ науки.—И при этомъ ссылается на плехановскій «марксизмъ».

Такъ какъ наша революція буржуазная, то необходима политическая коалиція трудящихся съ эксплуататорами, разъясняютъ Плехановъ, Потресовъ и Данъ. И въ свѣтѣ этой «соціологіи» шутовское рукопожатіе Бубликовъ—Церетелли раскрываетъ весь свой историческій смыслъ.

Бѣда только въ томъ, что изъ буржуазнаго характера революціи, которымъ теперь обосновывается коалиція соціалистовъ съ капиталистами, въ теченіе ряда лѣтъ тѣ же меньшевики дѣлали прямо противоположный выводъ.

Такъ какъ въ буржуазной революціи, говорили они, правительственная власть можетъ имѣть своей задачей не что иное, какъ обезпеченіе господства буржуазіи, то ясно, что соціалъ-демократіи тутъ дѣлать нечего: ея мѣсто не въ правительствѣ, а въ оппозиціи. Плехановъ считалъ, что соціалисты *ни при какихъ условіяхъ* не могутъ участвовать въ буржуазномъ правительствѣ и жестоко нападалъ на Каутскаго, резолюція котораго допускала на этотъ счетъ нѣкоторыя изъятія. «По времени и закону бываетъ перемѣна», говорили самодуры стараго строя. То же самое, какъ видимъ, происходитъ и съ «законами» плехановской соціологіи.

Какъ ни противоположны, однако, дореволюціонное и сегодняшнее мнѣніе меньшевиковъ и ихъ вдохновителя Плеханова, неизмѣнной остается во всякомъ случаѣ мысль, что буржуазную революцію нельзя дѣлать «безъ буржуазіи». На первый взглядъ эта мысль можетъ показаться аксіомой. На самомъ дѣлѣ это только глупость.

Исторія человѣчества начинается не съ Московскаго Совѣщанія. Бывали революціи и въ прошломъ. Въ концѣ 18-го столѣтія во Франціи развернулась революція, которую называютъ, и не совсѣмъ напрасно, великой. Это была буржуазная революція. На извѣстномъ ея этапѣ власть перешла къ якобинцамъ, которые опирались на санкюлотовъ, на ремесленно-пролетарскіе городскіе низы, и поставили между собою и жирондистами, либеральной партіи буржуазіи, тогдашними кадетами, четырехугольникъ гильотины. Только диктатура якобинцевъ придала первой французской революціи ея настоящее значеніе, сдѣлала ее великой. А между тѣмъ эта диктатура осуществилась не только *безъ* буржуазіи, но непосредственно *противъ* нея. Робеспьеръ, который не успѣлъ ознакомиться съ плехановской идеей, нарушалъ всѣ законы соціологіи, и, вмѣсто того, чтобы обмѣниваться съ жирондистами рукопожатіями, рубилъ имъ головы. Это было очень жестоко, что и говорить. Но эта жестокость отнюдь не помѣшала французской революціи стать великой, не переходя за предѣлы своего буржуазнаго характера. Марксъ, именемъ котораго у насъ злоупотребляютъ всякіе пошляки, писалъ, что «весь французскій терроръ— не что иное, какъ *плебейскій* пріемъ расправляться съ врагами буржуазіи»... И такъ какъ эта самая буржуазія боялась этихъ методовъ плебейской расправы съ врагами народа, то якобинцы не только отбросили ее отъ власти, но примѣняли желѣзную репрессію по отношенію къ ней са-

мой каждый разъ, какъ она пыталась пріостановить или «смягчить» ихъ работу. Ясно: якобинцы дѣлали буржуазную революцію безъ буржуазіи.

По поводу англійской революціи 1648 г. Энгельсъ писалъ: «для того, чтобы буржуазія положила себѣ въ карманъ тѣ плоды, которые тогда созрѣли, было необходимо, чтобы революція пошла гораздо дальше своей первоначальной цѣли, совсѣмъ какъ въ 1793 году во Франціи и въ 1848 г. въ Германіи. Таковъ, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ *одинъ изъ законовъ развитія буржуазнаго общества*». Мы видимъ, что энгельсовскій законъ прямо противоположенъ плехановской отсебятинѣ, которую меньшевики принимаютъ и выдаютъ за марксизмъ.

Можно, конечно сказать, что сами якобинцы были буржуазіей, только мелкой. Это совершенно вѣрно. Но что иное представляетъ собою такъ называемая «революціонная демократія», руководимая эсерами и меньшевиками? Между кадетами, партіей крупныхъ и среднихъ собственниковъ, съ одной стороны, и эсерами, съ другой, не обнаружилось на всѣхъ происходившихъ выборахъ въ городѣ и деревнѣ никакой промежуточной партіи. Отсюда математически ясно, что мелкая буржуазія нашла свое политическое представительство въ лицѣ эсеровъ. Меньшевики, политика которыхъ ни на іоту не отличается отъ политики эсеровъ, выражаютъ тѣ же самые классовые интересы. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что за ними идетъ часть наиболѣе отсталыхъ или консервативно-привиллегированныхъ рабочихъ. Почему же эсеры не могли взять въ свои руки власть? Въ какомъ же смыслѣ и почему «буржуазный» характеръ русской революціи (если принять, что онъ именно таковъ) вынуждалъ эсеровъ-меньшевиковъ замѣнить плебейскіе методы якобинцевъ салонными методами соглашенія съ контръ-революціонной буржуазіей? Очевидно, что объясненій надо искать не въ «буржуазномъ» характерѣ нашей революціи, а въ жалкомъ характерѣ нашей мелко-буржуазной демократіи. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать въ своихъ рукахъ власть орудіемъ осуществленія собственныхъ историческихъ задачъ, наша лже-демократія почтительно переуступила фактическую власть контръ-революціоннымъ военно-имперіалистическимъ кликамъ, и Церетелли даже хвастался на московскомъ совѣщаніи тѣмъ, что Совѣты сдали власть не по нуждѣ, не послѣ мужественнаго боя и пораженія, а добровольно, какъ доказательство политическаго «самоограниченія». Добродѣтель теленка, подставляющаго свою шею мяснику, не есть то, качество, которое покоряетъ новые міры!

Различіе между террористами конвента и капитулянтами московскаго совѣщанія приблизительно такое же, какъ между тиграми и телятами разной степени возмужалости. Но это различіе не основное. За нимъ скрывается рѣшающее различіе въ составѣ самой демократіи. Якобинцы опирались на малоимущіе и неимущіе классы, включая и тогдашній, еще неоформленный пролетаріатъ. У насъ промышленный рабочій классъ успѣлъ выдѣлиться изъ безформенной демократіи въ самостоятельную историческую силу первоклассного значенія. Мелкобуржуазная демократія въ той же мѣрѣ утеряла наиболѣе драгоцѣнныя революціонныя качества, въ какой

развилъ ихъ въ себѣ выдѣлившійся изъ нея пролетаріатъ. Это явленіе есть въ свою очередь результатъ несравненно болѣе высокаго уровня капиталистическаго развитія Россіи по сравненію съ Франціей конца 18-го вѣка. Революціонная роль русскаго пролетаріата, которая отнюдь не измѣряется его численностью, опирается на его огромную производственную роль, которая ярче всего раскрылась во время войны. Угроза желѣзнодорожной забастовки снова напоминаетъ въ наши дни о зависимости всей страны отъ концентрированной работы пролетаріата. Мѣщанско-крестьянская партія сразу, съ первыхъ шаговъ революціи, попала въ перекрестный огонь между могущественными группировками имперіалистическихъ классовъ, съ одной стороны, и революціонно-интернаціоналистскимъ пролетаріатомъ, съ другой. Борясь за свое собственное вліяніе на рабочихъ, мѣщанская партія все больше противопоставляетъ пролетарской партіи свою «государственность», свой «патріотизмъ» и потому попадаетъ въ рабскую зависимость отъ группировокъ контръ-революціоннаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно лишается возможности дѣйствительной ликвидаціи всѣхъ и всякихъ формъ, хотя бы только стараго варварства, опутывающихъ тѣ народныя массы, которія она еще ведетъ за собою. Борьба эсеровъ и меньшевиковъ за вліяніе на пролетаріатъ все болѣе смѣняется борьбою пролетарской партіи за руководство надъ полупролетарскими массами деревень и городовъ. Сдавая «добровольно» власть кликамъ буржуазіи, эсеро-меньшевистская «демократія» вынуждена свою революціонную миссію окончательно сдать партіи пролетаріата. Уже это одно показываетъ, что попытки разрѣшать основные вопросы тактики голой ссылкой на «буржуазный» характеръ нашей революціи могутъ служить только для того, чтобы сбивать съ толку отсталыхъ рабочихъ и обманывать крестьянъ.

Во французской революціи 1848 г. пролетаріатъ дѣлаетъ уже героическія попытки самостоятельнаго дѣйствія. Но онъ не имѣетъ еще ни ясной революціонной теоріи ни авторитетной классовой организаціи. Его производственное значеніе неизмѣримо ниже нынѣшней хозяйственной роли русскаго пролетаріата. Наконецъ, за спиною 1848 года было уже великая революція, которая по своему разрѣшила аграрный вопросъ, и это сейчасъ же сказалось въ быстрой изоляціи пролетаріата, главнымъ образомъ парижскаго, отъ народныхъ массъ. Наше положеніе въ этомъ отношеніи неизмѣримо болѣе благопріятно. Земельная кабала, сословныя путы, гнетъ и кастовое хищничество церкви стоятъ передъ революціей, какъ неотложные вопросы, требующіе рѣшительныхъ и безпощадныхъ мѣръ. «Изоляція» нашей партіи отъ эсеро-меньшевиковъ, даже самая крайняя, даже путемъ одиночныхъ камеръ, еще ни въ коемъ случаѣ не означаетъ изоляціи пролетаріата отъ угнетенныхъ крестьянскихъ и городскихъ массъ. Наоборотъ, рѣзкое противопоставленіе политики революціоннаго пролетаріата вѣроломному отступничеству нынѣшнихъ совѣтскихъ вождей только и можетъ внести спасительную политическую диференціацію (расчлененіе) въ крестьянскіе милліоны, вырвать деревенскую бѣдноту изъ-подъ предательскаго

руководства крѣпкихъ эсеровскихъ мужичковъ и превратить соціалистическій пролетаріатъ въ подлиннаго вождя народной, «плебейской» революціи.

Наконецъ, пустопорожнія ссылки на «буржуазный» характеръ русской революціи ровно ничего не говорятъ намъ объ ея *международной* обстановкѣ. А это рѣшающій вопросъ. Великая якобинская революція имѣла подлѣ себя и противъ себя отсталую, феодальную, монархическую Европу. Якобинскій режимъ палъ, превратившись въ бонапартистскій режимъ, подъ тяжестью того сверхъ-человѣческаго напряженія, которое онъ вынужденъ былъ совершить, чтобъ отстоять себя противъ объединенныхъ силъ средневѣковья. Русская революція, наоборотъ, имѣетъ передъ собою далеко опередившую ее Европу, достигшую высшихъ ступеней капиталистическаго развитія. Нынѣшняя міровая бойня показываетъ, что Европа достигла предѣла капиталистическаго насыщенія, что она не можетъ долѣе жить и развиваться на основахъ частной собственности на средства производства. Этотъ хаосъ крови и разрушенія есть дикое возстаніе слѣпыхъ и темныхъ производительныхъ силъ, мятежъ желѣза и стали противъ царства прибыли, противъ наемнаго рабства, противъ подлаго тупоумія человѣческихъ отношеній. Охваченный пламенемъ имъ же порожденной войны капитализмъ жерлами своихъ пушекъ, кричитъ человѣчеству: «Или совладай со мною, или я погребу тебя подъ своими развалинами!»

Все прошлое развитіе, тысячелѣтія человѣческой исторіи, классовой борьбы, культурныхъ накопленій, уперлось теперь въ одну проблему: и это есть проблема пролетарской революціи. Нѣтъ другого рѣшенія и иного выхода. И въ этомъ состоитъ огромная сила русской революціи. Это не «національная», не буржуазная революція. Кто оцѣниваетъ ее такъ, тотъ живетъ въ мірѣ призраковъ 18-го и 19-го столѣтій. А нашимъ «отечествомъ во времени» является 20-ый вѣкъ. Дальнѣйшая судьба русской революціи непосредственно зависитъ отъ хода и исхода войны, т. е. отъ развитія классовыхъ противорѣчій въ Европѣ, которому эта имперіалистическая война придаетъ катастрофическій характеръ.

Керенскіе и Корниловы слишкомъ рано заговорили языкомъ конкурирующихъ самодержавцевъ. Каледины слишкомъ рано лязгаютъ зубами. Ренегаты Церетелли слишкомъ рано пожимаютъ презрительно протянутый имъ палецъ контръ-революціи. Революція пока еще сказала только свое первое слово. У нея имѣются еще огромные резервы въ Западной Европ[illegible] На смѣну рукопожатіямъ реакціонныхъ дѣльцовъ и мѣщанскихъ ротоз[illegible] придетъ великое рукопожатіе русской революціи и европейскаго п[illegible]таріата.

VI. Интернаціональная тактика.

При безпримѣрной ясности классово-политическихъ группировокъ въ русской революціи, въ области идеологіи у насъ царитъ столь же безпримѣрный кавардакъ. Запоздалый характеръ историческаго развитія Россіи позволилъ мѣщанской интеллигенціи украсить себя павлиньими перьями самыхъ лучшихъ соціалистическихъ теорій. Оии служатъ ей, однако, только для того, чтобъ прикрывать свою дряблую наготу. Если эсеры и меньшевики не взяли власти ни въ началѣ марта, ни [illegible]-го мая, ни [illegible]-го іюля, то вовсе не потому что наша революція—„буржуазная“, и что ее нельзя дѣлать „безъ буржуазіи“, а потому что мелкобуржуазные „соціалисты“, кругомъ опутанные сѣтями имперіализма, уже не способны выполнить хоти бы десятую долю той работы, которую якобинскіе демократы совершили пять четвертей столѣтія тому назадъ. Разглагольствуя о спасеніи революціи и страны, они будутъ безъ боя сдавать буржуазной реакціи одну позицію за другой. Тѣмъ самымъ борьба за власть становится прямой и непосредственной задачей рабочаго класса, и вмѣстѣ съ тѣмъ революція окончательно совлекаетъ съ себя свою „національную“ и буржуазную оболочку.

Либо мы будемъ имѣть огромный сдвигъ назадъ, въ направленіи крѣпкаго имперіалистическаго режима, который вѣроятнѣе всего увѣнчается монархіей; при этомъ Совѣты, земельные комитеты, армейскія организаціи и многое другое пойдутъ на сломъ, а Керенскіе и Церетелли выйдутъ въ тиражъ. Либо же пролетаріатъ, увлекая за собою полупролетарскія массы и сметая съ своего пути ихъ вчерашнихъ вождей (Керенскій и Церетелли выйдутъ и въ этомъ случаѣ въ тиражъ!), установитъ режимъ рабочей демократіи. Его дальнѣйшіе успѣхи будутъ прямо и непосредственно зависѣть отъ развитія европейской, въ первую голову германской, революціи.

Интернаціонализмъ для насъ не отвлеченная идея, существующая только для того, чтобы при каждомъ подходящемъ случаѣ измѣнять ей (какъ для Церетелли или Чернова), а непосредственно руководящій, глубоко-практическій принципъ. Прочный, рѣшающій успѣхъ немыслимъ для насъ внѣ европейской революціи. Мы не можемъ, слѣдовательно, покупать частичные успѣхи цѣною такихъ шаговъ и комбинацій, которые затрудняютъ движеніе европейскаго пролетаріата. Именно поэтому непримиримый разрывъ съ соціалъ-патріотами есть для насъ необходимая предпосылка всей политической работы.

— Товарищи интернаціоналисты,—воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ на всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ,—отсрочьте вашу соціальную революцію еще лѣтъ на пятьдесятъ!..—Незачѣмъ говорить, что этотъ благодушный совѣтъ былъ покрытъ самодовольными аплодисментами меньшевиковъ и эсеровъ.

Именно здѣсь, въ отношеніи къ соціальной революціи, проходитъ водораздѣлъ между всѣми разновидностями оппортунистическаго мѣщанскаго утопизма и пролетарскимъ соціализмомъ. Есть не мало „интернаціоналистовъ“, которые кризисъ интернаціонала объясняютъ временнымъ шовини-

стическимъ опьяненіемъ, вызваннымъ войною, и разсчитываютъ, что раньше или позже все вернется на свое мѣсто, и старыя соціалистическія партіи снова найдутъ утерянный нынѣ путь классовой борьбы. Наивныя и жалкія надежды! Война—не внѣшняя катастрофа, временно выбившая капиталистическое общество изъ равновѣсія, а возстаніе разросшихся производительныхъ силъ этого общества противъ ограниченныхъ рамокъ національнаго государства и формъ частнаго присвоенія. Возврата назадъ, къ относительному капиталистическому равновѣсію прошлой эпохи, уже не можетъ быть. Либо дальнѣйшее стихійное разрушеніе производительныхъ силъ путемъ новыхъ и новыхъ имперіалистическихъ войнъ, либо соціалистическая организація производства,—такъ, а не иначе ставитъ сейчасъ вопросъ исторія.

Равнымъ образомъ и кризисъ Интернаціонала не есть внѣшнее, наносное явленіе.

Соціалистическія партіи Европы сложились въ эпоху относительнаго капиталистическаго равновѣсія и реформистскаго приспособленія пролетаріата къ національному парламентаризму и національному рынку. „Въ самой соціалъ-демократической партіи—писалъ Энгельсъ въ 1887 г.—мелкобуржуазный соціализмъ имѣетъ сторонниковъ. Такіе члены соціалъ-демократической партіи, признавая основныя воззрѣнія научнаго соціализма и цѣлесообразность требованія перехода всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность, осуществленія этого требованія объявляютъ возможнымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, срокъ наступленія котораго практически неопредѣлимъ". Благодаря затяжному характеру „мирнаго" періода этотъ мелкобуржазный соціализмъ фактически сталъ господствующимъ въ старыхъ организаціяхъ пролетаріата. Ихъ ограниченность и несостоятельность обнаружились въ самыхъ отталкивающихся формахъ въ тотъ моментъ, когда „мирное" накопленіе противорѣчій смѣнилось величайшимъ имперіалистическимъ сотрясеніемъ. Не только старыя національныя государства. но и сросшіяся съ ними бюрократизированныя соціалистическія партіи оказались въ противорѣчіи съ потребностями дальнѣйшаго развитія. Это можно было въ большей или меньшей степени предвидѣть и ранѣе.

„Задача соціалистической партіи—писали мы 12 лѣтъ тому назадъ—состояла и состоитъ въ томъ, чтобъ революціонизировать сознаніе рабочаго класса, какъ развитіе капитализма революціонизировало соціальныя отношенія. Но агитаціонная и организаціонная работа въ рядахъ пролетаріата имѣетъ свою внутреннюю косность. Европейскія соціалистическія партіи—и въ первую голову наиболѣе могучая изъ нихъ, германская,—выработали свой консерватизмъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большія массы захватываетъ соціализмъ, и чѣмъ выше организованность и дисциплина этихъ массъ. Въ силу этого соціалъ-демократія, какъ организація, воплощающая политическій опытъ пролетаріата, можетъ стать въ извѣстный моментъ непосредственнымъ препятствіемъ на пути открытаго столкновенія рабочихъ съ буржуазной реакціей. Другими словами, пропагандистско-соціалистическій консерватизмъ пролетарской партіи можетъ

въ извѣстный моментъ задержать прямую борьбу пролетаріата за власть„ („Наша революція“, 1906, стр. 285). Но если революціонные марксисты были далеки отъ фетишизма по отношенію къ партіямъ второго Интернаціонала, то никто не предвидѣлъ, что крушеніе этихъ организаціонныхъ гигантовъ будетъ такимъ жестокимъ и катастрофическимъ.

Новая эпоха создастъ новыя организаціи. Революціонныя соціалистическія партіи теперь вездѣ создаются въ огнѣ борьбы. Огромное идейно-политическое наслѣдіе второго Интернаціонала не пропадаетъ, разумѣется даромъ. Но въ этомъ наслѣдіи производится внутреннее очищеніе, цѣлое поколѣніе „реалистическихъ“ филистеровъ будетъ отодвинуто при этомъ въ сторону, и революціонныя тенденціи марксизма впервые получатъ свое полное политическое значеніе.

Внутри каждой страны задача состоитъ не въ поддержаніи единства пережившей себя организаціи, а въ дѣйственномъ сплоченіи инціативныхъ революціонныхъ элементовъ пролетаріата, которые теперь же, въ борьбѣ противъ войны и имперіализма, выдвигаются на передовые посты. Въ международномъ масштабѣ задача состоитъ не въ сближеніи и „примиреніи“ правительственныхъ соціалистовъ на дипломатической конференціи (Стокгольмъ!) а въ объединеніи революціонныхъ интернаціоналистовъ всѣхъ странъ и въ ихъ общемъ курсѣ на соціальную революцію внутри каждой страны.

Правда, революціонные интернаціоналисты на верхахъ рабочаго класса представляютъ сейчасъ во всей Европѣ незначительное меньшинство. Но именно насъ, русскихъ, это не должно пугать. Мы знаемъ, какъ быстро въ революціонную эпоху меньшинство становится большинствомъ. Какъ только накопившееся возмущеніе рабочихъ массъ пробьетъ окончательно кору государственной дисциплины, группа Либкнехта, Люксембургъ, Меринга и ихъ друзей займетъ сразу руководящее положеніе во главѣ нѣмецкаго рабочаго класса. Только соціально-революціонная политика оправдываетъ организаціонный расколъ; но она же и дѣлаетъ его необходимымъ.

Меньшевики-интернаціоналисты, единомышленники т. Мартова, въ противовѣсъ намъ, отрицаютъ соціально-революціонную постановку политическихъ задачъ. Россія, заявляютъ они въ своей платформѣ, еще не созрѣла для соціализма, и наша задача по необходимости ограничивается установленіемъ демократической буржуазной республики. Все это разсужденіе построено на полномъ попраніи международныхъ связей и задачъ пролетаріата. Еслибъ Россія стояла на свѣтѣ одна, разсужденіе Мартова было бы правильно. Но вопросъ идетъ о ликвидаціи міровой войны, о борьбы съ міровымъ имперіализмомъ, о задачахъ мірового, и **въ томъ числѣ** русскаго пролетаріата. Вмѣсто того, чтобъ объяснять русскимъ рабочимъ, что судьба Россіи нерасторжимо связана отнынѣ съ судьбой Европы; что побѣда европейскаго пролетаріата обезпечитъ намъ ускоренный переходъ къ соціалистическому строю; что, наоборотъ, пораженіе европейскихъ рабочихъ отброситъ насъ назадъ, къ имперіалистической диктатурѣ и монархіи, наконецъ къ положенію колоніи Англіи и Соед. Штатовъ; вмѣсто того,

чтобъ подчинять всю нашу тактику общимъ цѣлямъ и задачамъ европейскаго и мірового пролетаріата, т. Мартовъ разсматриваетъ русскую революцію въ ограниченныхъ, національныхъ рамкахъ и сводитъ задачи революціи къ созданію буржуазно-демократической республики. Это въ корнѣ ложная постановка вопроса, надъ которой цѣликомъ тяготѣетъ проклятье національной ограниченности, приведшей къ крушенью второй Интернаціоналъ.

Ограничивая себя на практикѣ національными перспективами, т. Мартовъ сохраняетъ для себя возможность уживаться въ одной организаціи съ соціалъ-патріотами. Онъ надѣется пережить съ Даномъ и Церетелли „повѣтріе“ національзма, которое должно исчезнуть вмѣстѣ съ войною и затѣмъ расчитываетъ вернуться съ ними вмѣстѣ на рельсы „нормальной“ классовой борьбы. Мартова связываетъ съ соціалъ-патріотами не пустая фракціонная традиція, а глубоко-оппортунистическое отношеніе къ соціальной революціи, какъ къ далекой цѣли, которая не можетъ опредѣлять постановку сегодняшнихъ задачъ. И это самое отдѣляетъ его отъ насъ.

Борьба за завоеваніе власти не есть для насъ лишь очередной этапъ національно-демократической революціи; нѣтъ, это выполненіе интернаціональнаго долга, это занятіе одной изъ важнѣйшихъ позицій на общемъ фронтѣ борьбы съ міровымъ имперіализмомъ. И эта же основная точка зрѣнія опредѣляетъ наше отношеніе къ такъ называемой національной оборонѣ. Эпизодическое перемѣщеніе фронта въ ту или другую сторону не можетъ ни пріостановить ни отклонить нашу борьбу, которая направлена противъ самыхъ основъ капитализма, упершагося въ имперіалистическое взаимоистребленіе народовъ.

Перманентная революція противъ перманентной бойни! такова борьба, въ которой ставкой является судьба человѣчества.

Библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Вмѣсто предисловія	. . . .	1
1. Что случилось?	. . . .	3
2. Элементы бонапартизма	. . . .	7
3. Армія въ революціи	. . . .	12
4. Что же дальше	. . . .	18
5. Характеръ русской революціи	. . . . . .	21
6. Интернаціональная тактика	. . . .	26

Издательство „ПРИБОЙ“.

Центр. К-та Р. С.-Д. Раб. Партіи.

Петербургъ, Николаевская ул., 12.

---

1. Программа и уставъ Р, С.-Д Раб. Партіи . 10 коп,
2. Муниципальная платформа Р. С.-Д. Раб. Партіи . . . . 10 „
3. Пѣсни борьбы . . . . 10 „
4. Рабочій праздникъ 1-е мая . . . . 10 „
5. Свобода печати и рабочій классъ. . . . . . 10 „
6. **Г. Зиновьевъ и Н. Ленинъ.** Изъ исторіи рабочей печати въ Россіи . . . . 10 „
7. **Н. Ленинъ.** Письма о тактикѣ. Письмо 1-е (Изд. 3-е). . . . . 20 „
8. **Его-же.** Задачи пролетаріата въ нашей революціи . . . . 50 „
9. **В. Либкнехтъ.** Пауки и мухи . . . . 5 „
10. **А. Коллонтай.** Кому нужна война? (Изд. 2-ое) 15 „
11. **В. Невскій.** Уроки революціи 1848 г. (Изд. 2-ое) 10 „
12. **Его-же.** Домашняя прислуга . . . . 10 „
13. **Б. Г. Данскій.** Всеобщее избирательное право 10 „
14. **З. Лилина.** Организуйте женщинъ . . . . . . 10 „
15. **Ея-же.** Кого выбирать въ городскія думы. . 10 „
16. **М. Ватинъ.** Не полиція. а всенародная милиція . . . . 10 „
17. **Викентьевъ.** Какъ французы добывали себѣ свободу . . . . 15 „
18. **В. Милютинъ.** О демократической республикѣ . . . . 10 „
19. Кого выбирать въ комитеты, совѣты, думы, Учредительное Собраніе . . . . 20 „
20. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической партіи . . . . (печ.)
21. **К. Марксъ.** Гражданская война во Франціи „
22. **П. Орловскій.** Карлъ Марксъ. (Изд. 2-е) . . 20 коп.
23. **С. Дикштейнъ.** Кто чѣмъ живетъ . . . . . 20 „
24. **Г. Зиновьевъ и К. Сталин..** Кто виноватъ въ пораженіи на фронтѣ. . . . . 40 „
25. Матеріалы по пересмотру партійной программы. (Подъ ред. **Н. Ленина**) . . . . 25 „
26. **Г. Зиновьевъ.** Причины краха германскаго с.-д. . . . . 40 коп.

Тип „Трудъ“ Т-ва „Рабочая Печать“. Кавалергардская [illegible]